

СОЦИОЛОГИЯ НАУКИ

DOI: 10.19181/socjour.2026.32.2.4
EDN: FXRBGJ

Ю.Л. КАЧАНОВ¹

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».
101000, Москва, Мясницкая ул., д. 11.

«НАУЧНАЯ ЭЛИТА» КАК ПРОБЛЕМА И ПОНЯТИЕ¹

Аннотация. «Научная элита» как эвристический принцип объяснения и аналитическая схема несет в себе идею значительного превосходства малого количества «выдающихся ученых». В статье вводится понятие пространства науки как многомерного распределения агентов производства научного знания по соотносительным позициям. Это пространство различий выступает как среда, в которой разворачивается научная конкуренция, а также символическое и политическое противоборство за ресурсы и признание. Условием и предпосылкой различий является неравномерное распределение ресурсов, а ставкой и целью борьбы — их перманентное перераспределение. Подобная оптика допускает множество размежеваний (например, исследователи/администраторы, революционеры/консерваторы, фундаментальные/прикладные исследования и т. д.) в зависимости от того, какие виды ресурсов становятся приоритетными, а какие теряют значение. Пространство науки — открытая структура, организованная вокруг противоречий и иерархий, одной из которых является противопоставление научной элиты ординарным ученым. Геометрическими объектами этого пространства являются позиции, и научная элита — одна из них. Ключевым объектом анализа становится не отдельный ученый, а объективные отношения между позициями, определяемые распределением специфических видов ресурсов. В рамках такого подхода научная элита понимается не как статистически определяемая совокупность выдающихся ученых, а как доминирующая позиция, обеспечивающая оптимальный доступ к ресурсам и возможность задавать образцы и нормы научных практик.

Ключевые слова: научная элита; социология науки; социологическая теория; пространство науки; структура; П. Бурдьё.

Для цитирования: Качанов Ю.Л. «Научная элита» как проблема и понятие // Социологический журнал. 2026. Том 32. № 2. С. 59–77. DOI: 10.19181/socjour.2026.32.2.4 EDN: FXRBGJ

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ (HSE-BR-2025-016).

За последние 60 лет численность ученых и объем публикаций демонстрировали экспоненциальный рост, который, однако, не конвертировался в соразмерный качественный скачок [29]. Доля прорывных исследований падает [68] или остается стабильной [10], а регулярное появление фундаментальных открытий по-прежнему является прерогативой узкой группы лиц на фоне углубляющегося неравенства в распределении ресурсов и возможностей [66]. Парадокс современной науки в том, что ее успехи порождают завышенные ожидания: недовольство вызывает не отсутствие открытий как таковых, а неспособность системы поддерживать темпы их прироста пропорционально затраченным ресурсам.

Стремясь высвободить творческую энергию, стейкхолдеры предсказуемо инвестируют в структурный избыток производства научных знаний, понимаемый как позитивное исключение, средоточие экстраординарных исследователей — в «элиту». Это привело к тому, что с начала 2000-х гг. наукометрический фокус сместился на центры «высочайшего качества» и «топовые» исследования. Категория «превосходства» (*excellence*) стала стержневым концептом политики научных достижений [78; 79], операционализированным через объем накопленного цитирования [33]. Ключевой вопрос здесь: подчинено ли современное производство знаний логике капиталистического накопления и способна ли научная элита выступать гарантом продуктивных практик для остальных ученых?

Мы полагаем, что оппозиция «элита / ординарные ученые» является одним из структурных инвариантов пространства науки. Цель работы: установить концептуальную рамку, в которой социология науки может исследовать элиту.

Введение: «элита» как предпонятие

«Элита» — спорный термин. Его сложно использовать непредвзято и предельно. Исторически «элита» восходит к античным представлениям о том, что лишь немногие избранные воплощают истинную сущность человечества, в то время как остальные должны выполнять за них тяжелую работу. В силу отрицательных коннотаций с нормативными идеями справедливости и равенства понятие элиты зачастую выступает политически нагруженным средством публичной полемики. В популярной культуре термин может соотноситься с «властвующей элитой» в духе Ч.Р. Миллса [36] или с «верхним 1%» распределения богатства *à la* Т. Пикетти [3]. В этой теоретической оптике «элита» знаменует историческую ситуацию чрезмерного сгущения в одной точке дефицитных социальных ресурсов. Подобно тому, как у Платона («Пир», 203 b–e) отцом Эроса оказывается символизирующий изобилие Порос, а матерью — олицетворяющая нужду Пеня, так и «элита» предстает избыточностью в одном месте, порожденной недостатком в другом. Эросу, трактуемому как производство, обладание и наслаждение объектами, П. Слотердаик противопоставляет тимос θυμός — зависть, соперничество, признание [77]. Эта оппозиция вводит нас *in medias res*, указывая на связь «элиты» с проблематикой неравенства, социальной несправедливости и мобильности.

Если же отвлечься как от политического узуса, так и от продолжительной и неоднозначной научной истории термина, то окажется, что «на пике своей популярности почти любая могущественная, пользующаяся преимуществами, ква-

лифицированная, привилегированная или превосходящая группа или категория может быть описана как элита... Этот термин применялся к таким различным группам, как политики, епископы, интеллигентные люди, аристократы, юристы и успешные преступники» [73, р. 27]. Это простое наблюдение открывает широкий простор для научного поиска.

Большинство концепций «научной элиты» — мы намеренно заключаем этот термин в кавычки, поскольку его значение еще предстоит выяснить — могут быть истолкованы как выражение идеологического проекта самоуправления сообщества сертифицированных ученых. Мы называем этот проект идеологическим потому, что он является интеллектуальной квинтэссенцией повседневных представлений и практик лишь одной позиции — «элиты» — и при этом маскирует свою ангажированность объективностью социологического исследования. Это лишь видимость науки с частной, ограниченной перспективы. Однако видимость существенна, поскольку она задает тот способ, которым ученые вписывают «элиту» в схему отношений с другими позициями.

«Научная элита» является не столько рефлексивным понятием, сколько проекцией базовой когнитивной структуры ученых и управленцев [81, р. 148]. Эта структура маркируется бинарной оппозицией: «избранное меньшинство, существенно повлиявшее на развитие научных знаний» / «большинство ученых» [86]. На уровне обыденного опыта «научная элита» ассоциируется с узкой группой выдающихся академических лидеров, обладающих значительным авторитетом. Они играют ключевую роль в управлении ресурсами для научных исследований, а также имеют к ним беспрецедентный доступ. Социология науки во многом наследует это видение, акцентируя престиж и влияние, а также выдающийся научный вклад [86].

Вычленение «элиты» из генеральной совокупности исследователей представляет собой акт распознавания социального порядка производства научных знаний, который также существует в восприятии, оценивании и мышлении о науке [15, р. 172]. Этот социальный порядок статистически проявляется как сильно асимметричное (скошенное) распределение условий и результатов научных практик, а также вознаграждений: малое количество «звездных» ученых публикуют большинство значимых статей (эти работы собирают максимальное цитирование и обсуждаются, по крайней мере, не одним поколением исследователей, что является важным — хотя и опосредованным — показателем научного влияния [76]), добиваются разных форм признания [83]. Вероятность цитирования и карьерных успехов непропорционально распределена и сильно стратифицирована [25; 38; 59; 67].

Научная элита плохо поддается изучению с помощью традиционных стратификационных опросов и интервью [60]. В эмпирическом исследовании трудно сконструировать валидную выборку «академических знаменитостей», строго соблюдая критерии. Большинство авторов сходятся во мнении, что стандартизированное и методологически последовательное определение научной элиты сопряжено с серьезными затруднениями, особенно с учетом того, что это определение может варьироваться в зависимости от страны, дисциплины или задач научной политики. Поэтому иногда говорят о «потенциальной» научной элите [58] и ограничиваются одним-двумя основаниями для отбора единиц наблюдения [51, р. 67–99].

Однако элита регулярно становится объектом количественных исследований науки, которые *de facto* описывают распределения тех или иных признаков и не претендуют на системное представление своего предмета [21; 22; 30; 63; 69]. Хотя наукометрия (*scientometrics*) в своем современном виде не отвечает на вопрос, как производится новое научное знание и в какие социальные отношения оно включено [37; 49; 60], она помогает оценить различия между учеными [67; 74]. Эти различия, как правило, объективируются в распределениях индивидуальной продуктивности [8; 27; 41; 50; 52], научных репутаций [19, 70], известности [28], академических наград [45; 55; 86], грантов [9; 11; 12; 82] и т. п. С точки зрения наукометрии совокупность «высокоцитируемых исследователей», несмотря на всю неоднозначность этого термина [26; 27; 34], бесспорно, входит в элиту, влияние которой соизмеримо с интересом к их публикациям [75; 85].

В классической парадигме понятие «научная элита», основываясь на теоретической модели, должно фиксировать группообразующие признаки, которые позволяют решить, принадлежит ли выделенный индивид к этой группе, и тем самым конституировать некий континуум для феномена элиты, в границах которого можно изучать разные степени свободы этого феномена (например, практики и диспозиции, виды ресурсов, карьеры и социальные траектории). Наличие такой модели — хотя она не всегда имеет формальный смысл — отличает теоретическое понятие от простого описания комплекса свойств и сообщает ему объяснительную функцию. Отсюда определение понятия «научная элита» может быть удовлетворительно сконструировано лишь в рамках социологической теории. На практике же «научная элита» обычно выступает эпифеноменальным отражением социальной действительности, что влечет за собой расплывчатость: референтом этого термина могут назначить любую подходящую статистическую категорию или целевую выборку ученых, которые в каком-то отношении обладают превосходством или преимуществами [57; 84]. Исследователи обычно ограничиваются достаточно произвольным статистическим конструированием [73, р. 34] или воспроизведением авторитетных мнений и интуиций экспертов, политиков и менеджеров [42].

«Научная элита»: между методологическим индивидуализмом и структурализмом

Онтология социологии науки, по Веберу, является феноменологической, ее основные представления берутся непосредственно из наблюдения: постулируется множество атомизированных негативно свободных индивидов. Это множество полагается интегрированным в «свободный рынок знаний», основанный на отношениях конкуренции. В таком своем качестве базовая онтология ориентирует на изучение «повседневной жизни обычной группы» [39, р. 425], но она не способна описать кооперативные и целостные явления — например, борьбу социальных позиций или историческое развитие науки.

Со времен Мертона социология характеризует науку как дифференцированную систему с неравномерным распределением продуктивности, ресурсов, признания и т. п., которая обусловлена не только меритократической иерархией достижений, но и социальным структурированием [31]. М. Малкей отмечает, что

«академическое научно-исследовательское сообщество формирует свою собственную четко определенную элиту», которая формируется «главным образом социальными процессами, происходящими внутри исследовательского сообщества» [64, р. 446].

Понятие «научная элита» не связано однозначно ни с одной социологической теорией. Однако ретроспективно можно указать на два магистральных направления изучения научной элиты [48].

Первое с некоторой долей условности ориентируется на определение группы, данное Вебером, и рассматривает элиту в связи с ресурсами и той специфической властью, которой обладают ее члены, то есть представляет такие ресурсы и власть как собственность акторов [31; 86].

Второе направление развивается скорее в русле структуралистской мысли и анализирует элиту как доминирующую позицию в структуре социальных отношений производства научного знания, которую занимают социальные агенты [13; 17].

Такие концептуальные рамки побуждают думать об элите либо как об агентах, владеющих ресурсами, которые приносят им выгоду, либо как о тех, кто занимает специфическую позицию, обеспечивающую им преимущественный доступ и контроль. Разница заключается в единице анализа: актор в случае веберовского методологического индивидуализма или позиция в социальных отношениях в случае структуралистской методологии.

Ориентирующийся на веберовский подход Э. Гидденс указывает на целостность элиты: элита для него — это не просто меньшинство акторов, отличающихся от контролируемого ими большинства, это активное меньшинство, осознающее свое выделенное положение и обладающее высокой степенью сплоченности [35]. В развернутом виде попытка сочетать методологический индивидуализм с идеей целостности выглядит так: «Элита представляет собой весьма однородную группу ученых, чьи высокие исследовательские результаты обусловлены структурно схожими факторами... Переменные, увеличивающие шансы на попадание в этот класс, являются скорее индивидуальными, чем институциональными. Они... действуют по схожим рабочим паттернам и имеют схожие академические установки... Они являются универсальным академическим видом» [56, р. 395].

В то же время тяготеющий в большей степени к структуралистскому полюсу М. Сэвидж также подчеркивает, что основное отличие элиты от статистически конструируемой группы заключается в том, что элита относительно сплочена и «хорошо связана» [84, р. 235].

Опираясь на единичные представления о науке, почерпнутые из разрозненных работ других исследователей и собственных эмпирических интуиций, М. Малкей формулирует четыре необходимых признака, которые, по его мнению, определяют научную элиту [64, р. 446–447]:

- элита занимает привилегированное положение в отношении основных наград и возможностей научного сообщества, а также высоко цитируется. Кроме того, научная элита контролирует распределение ограниченных ресурсов сообщества;
- социальные связи между немногочисленными членами элиты сильнее, чем их связи с другими членами научного сообщества;

- элита способна направлять и контролировать практики научного сообщества;
- научная элита контролирует свой состав, в частности, она определяет кооптацию в элиту.

Первые два существенных свойства, по мнению М. Малкея, обычно служат основанием для идентификации членов элиты другими учеными. Кроме того, научная элита сосредоточена в нескольких крупных центрах, где осуществляются подготовка и селекция молодых ученых и их направление в перспективные области исследований, что повышает вероятность того, что впоследствии эти молодые ученые будут кооптированы в элиту. К представлениям о соответствующем «порядке величин» (элита всегда малочисленна) иногда добавляется критерий однозначных институциональных ориентиров, репутаций или рейтингов [20]. Научная элита наделена способностью поддерживать у политиков, менеджеров и широкой публики веру в неотъемлемую ценность своих тем, методов и результатов исследований.

Если в зарубежной литературе «научной элите» редко дают *теоретическую* дефиницию [65], то определение в стиле сильной теории звучит так: «Идентификация научной элиты как социально-профессиональной общности основывается на системе социальных, культурологических и социально-психологических критериев» [32, р. 64]. Каких именно критериев? Что объединяет их в систему? Что является ее эмерджентным свойством? Что отличает эту общность от других? Ответы на эти вопросы пришлось давать другим авторам. Так, по мнению петербургских социологов [2], представители научной элиты — это настоящие герои-чудотворцы, которые в одно и то же время:

- генерируют ценные инновационные идеи;
- формируют и управляют научными коллективами, осуществляют отбор и подготовку научных кадров;
- существенно влияют на принятие стратегических решений в области науки;
- определяют статус и рейтинг организации, с которой они аффилированы.

Каждый из пунктов этого перечня порождает множество сложных методологических проблем, так что возможность корректной реализации такого подхода кажется сомнительной. Тем не менее принято считать [4, с. 140], что авторам удалось эмпирически выделить и описать российскую научную элиту, отвечающую перечисленным выше критериям [1].

Пространство науки: производство знания и конкуренция за ресурсы

Если классическая парадигма «класс — свойство — понятие» ограничивает нас инвентаризацией признаков научной элиты, то переход к постклассической логике «система — отношения — символы» позволяет увидеть в элите не статистическую совокупность, а реляционный инвариант, узел в системе социальных отношений [47]. В этой концептуальной рамке элитарность определяется не набором индивидуальных атрибутов, а позицией в пространстве науки, где отношения предшествуют самим агентам.

Концепция воспроизводства, интерпретируемая как непрерывное возобновление в пространстве и во времени социальных процессов (ср.: [6]), устанавливает общую структуру для социологии науки. Обращение к модели воспроизводства обосновывается результативностью изучения «сверху вниз» [54], то есть не от отдельных агентов, а от «пространства науки» — множества позиций (воспроизводящихся распределенных формаций) вместе с заданной на нем метрикой. Ключевым моментом воспроизводства является идея непрерывности, которая непосредственно связана с понятием пространства. Опираясь на интуитивное представление о непрерывности социальных изменений, мы можем, следуя П. Бурдьё², отобразить производство научных знаний как структуру отношений между агентами этого производства в многомерном пространстве.

В понятии пространства науки отражены свойства, связанные с социологическими понятиями различия и позиции. Как правило, каждой паре элементов (позиций) пространства науки может быть поставлено в соответствие определенное (социальное, интеллектуальное и т. п.) расстояние [46]. Это определение мотивировано существующими методами работы с данными и результатами [13; 17]. Назначение «пространства» заключается в том, чтобы понять эволюцию производства научных знаний в целом на основе поведения составляющих его позиций. Поведение каждой позиции варьируется вследствие простого изменения расстояний до других позиций. Расстояние в пространстве науки можно охарактеризовать следующим образом:

- расстояние — эмпирически регистрируемая форма социальных отношений;
- особенность расстояния состоит в объективной устраненности содержательных определений;
- множество всех расстояний — это практически достоверный образ функционирования пространства в целом.

Онтология пространства науки

Онтология М. Вебера изображает социальную реальность как совокупность негативно свободных индивидов. В такой оптике социальная стратификация представляет собой процедуру классификации множества эмпирически наблюдаемых индивидов на непересекающиеся подмножества. Для осмысления глобального поведения науки необходима более сложная онтология, нежели базовая. Предлагаемая нами онтология постулирует множество объектов вместе с системой окрестностей, которая характеризует отношения между ними³. Онтология пространства науки отличается от базовой в трех ключевых пунктах:

² Подчеркнем, что мы предлагаем исследовать науку как пространство, а не как поле, как делал сам Бурдьё [13; 17]. Дело в том, что «поле науки» — специфический частный автономный случай «пространства науки», которому свойственны высокая степень институционализации, дифференциации и монополизации (подробнее см.: [5, с. 123]). В пределе пространство науки — это структура, замкнутая на самое себя, то есть поле. Однако этот предельный переход может быть осуществлен лишь в теории, а в действительности автономия науки нарушается.

³ Подробное обсуждение этого вопроса см. в: [47]. См. также препринт авторского перевода данной работы: Качанов Ю.Л., Шматко Н.А. Идея социального пространства Пьера Бурдьё. — URL: <https://zenodo.org/records/14963152> (дата обращения 23.04.2026).

Ее опорным элементом является не отдельный индивид, а позиция — «открытое множество» (что это такое, еще предстоит определить в каждом конкретном случае в ходе исследования, одновременно теоретического и эмпирического). Подчеркнем особо, что «открытое множество» может включать не только индивидуальных агентов пространства науки, но и учреждения (например, Европейская организация по ядерным исследованиям (ЦЕРН), Общество научных исследований имени Макса Планка), исследовательские проекты и коллективы (например, эксперимент *ATLAS* или *LHCb*, Национальный гелиогеофизический комплекс РАН), научные установки/приборы (БАК, телескоп «Джеймс Уэбб»).

Онтология пространства науки переходит от описания выборочной совокупности эмпирически данных индивидов к отображению всех возможных типов предметов исследования безотносительно к тому, есть ли они в выборке, и всех возможных объединений «открытых множеств».

В отличие от стратификационного подхода, построение пространства науки есть теоретическое конструирование предмета исследования, а не решение задачи классификации ученых. Онтология пространства науки содержит эксплицитное описание взаимодействия (включая конкуренцию и символическую борьбу) позиций, тогда как страты исключают эту проблематику.

Пространство науки можно изобразить как пространство различий и неравенства, в котором разворачивается научное соперничество, а также символическая и политическая борьба за ресурсы и признание. Условием и предпосылкой различий является неравномерное распределение ресурсов, а ставкой и целью борьбы — их перманентное перераспределение. Пространство науки непрерывно, оно выражает свойства позиций, которые не меняются при непрерывных социальных преобразованиях. В силу этого в нем отсутствуют разрывы, нет резких границ между позициями.

Предлагаемое нами пространство науки не репрезентирует какой-либо социальный механизм в перспективе методологического индивидуализма [43; 44]. Разумеется, количественное описание социальных явлений никак не сводится к «топологическому» понятию пространства науки — оно имеет, скорее, рамочный и качественный характер (ср.: [7; 71; 72]). Однако характерные особенности производства научного знания могут быть объяснены с помощью пространственных соображений.

Мы отходим от субстанциалистского понимания в пользу реляционной концепции пространства науки. Это пространство задано многомерным распределением многообразных ресурсов научного производства, а его «геометрическими объектами» служат социальные позиции. Пространство науки допускает множество размежеваний (например, исследователи/администраторы, революционеры/консерваторы, фундаментальные/прикладные исследования и т. д.), внутренних противопоставлений в зависимости от того, какие виды ресурсов становятся приоритетными, а какие теряют значимость. Кроме того, любой комплекс отношений вместе с его носителями можно представить и как объект. Это открывает способ изучения пространства науки в том числе и традиционными социологическими методами.

Элита как позиция пространства науки

Концепция воспроизводства позиций пространства науки вырастает из принципа непрерывности, который, в свою очередь, следует из расширенного понимания исторического подхода. Вкратце этот принцип можно сформулировать так: малым интервалам исторического времени соответствуют малые количественные и качественные изменения позиций в системе отношений производства научных знаний. Непрерывность существования в определенном качестве, трансляция в историческом месте своей выдающейся позиции является ставкой социальной игры для «научной элиты». Принцип непрерывности не описывает каузальный механизм (см.: [23; 62]). Скорее, он имеет телеологический характер, поскольку указывает направление и характер изменений — воспроизводство и производство (развитие) во времени системы социальных позиций (ср.: [61]).

Мы предполагаем, что структура пространства науки гомологична родственному с ним, но отличающемуся символическому пространству науки — пространству социальных представлений и диспозиций агентов, занятых в производстве научных знаний (ср.: [80, р. 6–10]). Таким образом пространство науки выступает объективной основой для образования «практических групп», понимаемых как социальные коллективы. Соотносительные позиции пространства науки, выделяемые на основе многомерного распределения социально эффективных свойств, объективируются агентами со сходными профилями ресурсов. Однако это само по себе не ведет к формированию групп, обладающих единством действия: объективное пространство науки может восприниматься, оцениваться и осмысливаться его носителями по-разному. Объективные позиции следует рассматривать как группы-в-себе или «группы на бумаге», поскольку они суть возможные общности, потенциальные коллективы. Становление и функционирование позиции пространства науки как действительной общности невозможно без эффективных символических, организационных и политических практик, которые должны собрать эту общность из статистической совокупности агентов со сходными наборами ресурсов. В нашем случае речь идет в том числе о навязывании схемы «научная элита» / «ординарные ученые» в качестве легитимного видения системы различий, выражающих объективистское пространство науки. «Научная элита» практически — то есть не на бумаге, не в публикациях социологов и наукометров — существует лишь в том случае, если она мобилизована для совместных действий, оформлена символически, обладает политическим представительством (в широком смысле) и артикулирована социальными институтами. «Научная элита» существует социально постольку, поскольку она символически и политически представлена и от ее имени говорят уполномоченные лица (ср.: [14]).

Мы можем сформулировать три постулата, из которых исходит структурно-генетический подход к исследованию науки.

- «Науку следует рассматривать в ее двояком отношении: с одной стороны, к социальному космосу, в который она встроена (внешнее прочтение), а с другой — к социальному микрокосму, образованному научной вселенной, к относительно автономному миру, наделенному своими собственными правилами функционирования, которые должны быть описаны и проанализированы сами по себе — как внутреннее прочте-

- ние» [16, р. 298]. Поясним: называть науку социальным микрокосмом значит рассматривать ее как «пространство объективных отношений между позициями, определяемыми их рангом в распределении конкурирующих сил или видов капитала» [18, р. 114].
- Пространство науки «организовано в соответствии с двумя взаимоисключающими принципами иерархизации: социальная иерархия, соответствующая унаследованному капиталу и фактически имеющемуся экономическому и политическому капиталу, противостоит специфической, собственно культурной иерархии, соответствующей капиталу научного авторитета или интеллектуальной известности» [13, р. 70–71]. Данные принципы демонстрируют различные социальные логики, на основе которых реализуются «академические» и «научные» ценности ученых. Хотя эти две логики неодинаково влияют на разные дисциплины, для интеграции в научную элиту социальный агент должен продемонстрировать как «научную компетентность, так и социальную [академическую] компетентность» [13, р. 84].
 - Пространство науки функционирует в соответствии с «агонистической логикой науки» [18, р. 176] — оно детерминировано игрой противоположных сил в борьбе за научные интересы, которые оспариваются агентами, занимающими доминирующее и доминируемое положение в иерархии позиций.

Мы попытались упорядочить утверждения Бурдьё в виде постулатов, чтобы сделать изложение ясным и точным. Действительная функция приведенных выше положений — объяснение явлений, которые описывает социология науки, а не обоснование подхода исходя из некоей «фундаментальной» теории. При импликации этих постулатов следует помнить, что, изучая науку, мы имеем дело с иерархизированными социальными пространствами ресурсов, практик и диспозиций. Речь идет о пространствах, охватывающих множество многоуровневых областей, взаимное расположение которых обуславливает различные отношения между ними и, таким образом, порождает не только агонистическую логику, но и целый ряд ситуативно адаптируемых логик [24]. Бурдьё специально подчеркивает, что:

- «замкнутые и отделенные друг от друга микрокосмы» научных полей (эмпирически интерпретируемых как дисциплины) могут превращаться в открытые пространства, «занимающие [свои] позиции в (иерархизированном) пространстве дисциплин, [так что] происходящее в них частично зависит от этих позиций» [17, р. 66];
- при определенных обстоятельствах агонистические отношения между гетерогенными множествами агентов поля науки «могут принимать форму более или менее стабильных сетей... альянсов, сотрудничества, клиентелизма, взаимного обмена услугами [и различных типов] сговора» [18, р. 112].

Каждая позиция пространства науки *in potentia* допускает сложное строение: будучи статистически сконструированным исследователями на основе набора индикаторов «классом на бумаге», она также может (необязательно!) включать несколько сравнительно немногочисленных «практических» или «мобилизованных» групп, обладающих единством диспозиций и действия и наделенных административной, социальной и символической властью [15]. Таким образом, «на-

учная элита» допускает интерпретацию в качестве социологического конструкта, отображающего как мобилизованную для совместных согласованных действий социальную общность, так и разрозненных социальных агентов, которые объединены лишь номинально — наличием неких общих признаков. Заметим, что превращение таких «серийных» индивидов в практическую группу достигается лишь целенаправленной социальной и символической работой.

Хотя концепция пространства науки не предполагает необходимости существования «научной элиты», мы в состоянии выделить некоторые положения, проливающие свет на эту проблему.

Было бы неплодотворно осмысливать «научную элиту» в терминах иерархии статусов или ее предполагаемой роли и социальных функций. Эмпирически зафиксировать элиту возможно лишь, изучая систему различий научного производства как целое. «Научную элиту» в качестве условно гомогенной статистической совокупности агентов можно определить как десубстанциализированную позицию, которая характеризуется реляционно — превалирующим положением в системе отношений, сложившихся между позициями в структуре пространства науки. Доминирующая позиция в объективном пространстве науки — вот *differentia specifica* элиты. Ее положение таково, что она имеет преимущественный доступ к ключевым символическим, материальным и социальным ресурсам, которые являются ставками в границах производства научных знаний.

С учетом двойственного положения науки — встроенность в более широкое социальное пространство, органически сочетающуюся с относительной автономией — формирование «элиты» обусловлено как внутринаучной динамикой, так и внешними социально-экономическими и политическими факторами.

В общем случае «элита» как позиция пространства науки есть свободная формация, которая имеет внутреннюю структуру: она состоит как из статистической общности атомизированных агентов (не связанных непосредственными социальными взаимодействиями), так и из нескольких более или менее компактных «ядер», которые представляют собой практические группы, мобилизованные вокруг общих интересов. Кроме того, можно указать на «потенциальную элиту» — значимое количество признанных и авторитетных ученых, которые могут быть с определенной долей условности классифицированы в качестве элиты на основании отдельных наукометрических и социологических показателей.

Интеллектуальная структура научной дисциплины связана с составом ее элиты. Элита воспроизводит свое эксклюзивное положение с помощью стратегий различия, пытаясь определять и предписывать большинству свою научную повестку, нормы и ценности, критерии восприятия результатов исследований, определенное видение истины и т. п.

«Элитные» ученые используют различия, чтобы утвердить собственную идентичность. Речь идет в том числе о том, чтобы выделиться как своей фундаментальностью и практической значимостью, так и новизной и оригинальностью. С другой стороны, как только одни темы исследований, теории, методы становятся массовыми, рутинными и, следовательно, утрачивают отличительную силу, их сменяют другие, доступные лишь представителям научной элиты. Отношение «элиты» к научной практике в целом основывается на дистанцировании и спонтанности, производных от глубокого понимания исследовательских перспектив, социального контекста и специфики управления наукой.

В «научной элите» как позиции пространства науки можно выделить как минимум две фракции: собственно научную («элиту престижа» [51, р. 67]), складывающуюся из наиболее выдающихся ученых с самой высокой репутацией, и административную, которую объективируют функционеры, занимающие принципиально важные посты в системе принятия решений. При этом высокое социально-экономическое происхождение значимо, скорее, для интеграции в административную элиту, а близость родительской семьи к науке выступает сравнительным преимуществом для вхождения в собственно научную элиту (см.: [40]). Иными словами, социальное происхождение «элиты» обусловлено тонкими механизмами воспроизводства социальных различий.

Интересы, которыми руководствуется «научная элита» как мобилизованная группа, объективны в той мере, в какой они соотносятся с ее позицией в пространстве научного производства.

Практики «научной элиты» в качестве общности социально значимы лишь в связи с ее относительной доминирующей позицией в структуре отношений производства научных знаний.

Социальные и политические практики представителей научной элиты должны учитываться социологами в контексте ее позиции в пространстве науки и связанных с этим общих, а не частных интересов. Следует статистически интерпретировать межличностные взаимодействия ученых как проявления отношений между позициями и интересами.

Заключение

В качестве объекта изучения «научная элита» ставит перед социологом непростые проблемы, которые невозможно решить без полноценной теоретической рефлексии. Исследователь должен обоснованно определить:

- каким образом, в каком модусе научная элита должна рассматриваться социологом: в качестве социального корпуса, общности или же она представляет собой статистическую совокупность — множество атомизированных агентов производства научных знаний;
- каковы конкретные критерии превосходства — существенные социальные различия, выделяющие научную элиту;
- каков генезис позиции экстраординарной научной значимости элиты;
- как формируется и транслируется во времени научное и социальное признание элиты;
- какие стратегии реализуют превосходство научной элиты;
- какими путями происходит — и происходит ли вообще — воспроизводство научной элиты.

Постижение развития и кризисов современной науки невозможно без детальной экспликации роли ее элит. Социальные процессы в центрах производства научного знания обладают собственной спецификой, ускользающей при использовании моделей, релевантных для изучения его периферии. Научная элита требует не просто констатации факта своего доминирования, но структурной дешифровки, не ограниченной рамками критики социальной герметичности [53].

Предложенный в данном исследовании подход служит инструментом именно такой аналитики, позволяя увидеть в элите не «черный ящик» микрополитики и исключений, а сложное отображение пространства науки.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Качанов Юрий Львович — доктор философских наук, профессор, Отдел исследований человеческого капитала, НИУ «Высшая школа экономики». **Телефон:** +7 (495) 772-95-90 * 11588. **Электронная почта:** ykatchanov@hse.ru
SPIN-код: 5626-7229

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2026. VOL. 32. NO. 2. P. 59–77. DOI: 10.19181/SOCJOUR.2026.32.2.4

Research Article

YURIJ L. KATCHANOV¹

¹ HSE University.

11, Myasnytskaya St., 101000, Moscow, Russian Federation.

THE “SCIENTIFIC ELITE” AS A PROBLEM AND CONCEPT

Abstract. The concept of the “scientific elite” as a heuristic principle and a framework for sociological analysis carries the implicit assumption of the inherent superiority of a small number of “outstanding scientists”. This paper introduces the space of science as a multidimensional distribution of agents of knowledge production across relative positions. The space of science is conceptualized as a space of positions and differences, where scientific competition unfolds through symbolic and political struggles for resources and recognition. The fundamental condition for these differences is the uneven distribution of capital, while the stake and goal of the struggle remain its permanent redistribution. The space of science admits various demarcations (e. g., researchers vs administrators, revolutionaries vs conservatives) and oppositions, depending on which resources gain or lose priority. It is an open structure organized around contradictions and hierarchies, chief among which is the opposition between the scientific elite and ordinary scientists. Within this geometric framework the scientific elite is treated not as a group of individuals, but as a positional entity. Consequently, the focus of analysis shifts from the individual scholar to the objective relationships between positions, determined by the distribution of specific resource types. In this approach the scientific elite is understood not as a statistically defined group of “great men”, but as a dominant position that ensures optimal access to resources and the power to define the standards and norms of scientific practice.

Keywords: scientific elite; sociology of science; sociological theory; space of science; structure; P. Bourdieu.

For citation: Katchanov, Y.L. The “Scientific Elite” as a Problem and Concept. *Sotsiologicheskij Zhurnal = Sociological Journal*. 2026. Vol. 32. No. 2. P. 59–77. DOI: 10.19181/socjour.2026.32.2.4

Acknowledgements. This article is an output of a research project (HSE-BR-2025-016) implemented as part of the Basic Research Program at HSE University.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yurij L. Katchanov — Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Department for Human Capital Research, HSE University. **Phone:** +7 (495) 772-95-90*11588. **Email:** ykatchanov@hse.ru
ORCID: 0000-0001-6836-5549 ResearcherID: G-1566-2012

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Кугель С.А., Тропп Э.А., Ломовицкая В.М. Социальные механизмы в воспроизводстве научной элиты. СПб.: Изд-во «Нестор», 1999. — 31 с. EDN: RWKHPN

- Kugel' S.A., Tropp E.A., Lomovitskaya V.M. *Sotsial'nye Mekhanizmy v Vosproizvodstve Nauchnoi Elity*. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo "Nestor" publ., 1999. 31 p. (In Russ.)
2. Ломовицкая В.М., Петрова Т.А. Научная школа как механизм самоорганизации интеллектуальной элиты // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. 1995. № 9. С. 85–90. EDN: SYGUVZ
Lomovitskaya V.M., Petrova T.A. Nauchnaya shkola kak mekhanizm samoorganizatsii intellektual'noi elity. *Problemy Deyatel'nosti Uchenogo i Nauchnykh Kollektivov*. 1995. No. 9. P. 85–90. (In Russ.)
 3. Пикетти Т. Капитал в XXI веке / Пер. с англ. А.А. Дунаев. М.: Ad Marginem, 2016. — 592 с.
Piketty T. *Capital in the Twenty First Century*. Transl. from Engl. by A.A. Dunayev. Moscow: Ad Marginem publ., 2016. 592 p. (In Russ.)
 4. Чепуренко А.Ю., Шереги Ф.Э., Шувалова О.Р., Обыденнова Т.Б. Российская наука в новых условиях: роль зарубежных фондов // Мир России. Социология. Этнология. 2005. Т. 14. № 4. С. 138–161. EDN: MUYIOZ
Chepurenko A.Y., Sheregi F.E., Shuvalova O.R., Obydennova T.B. Russian science in new conditions: The role of foreign funds. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya*. 2005. Vol. 14. No. 4. P. 138–161. (In Russ.)
 5. Шматко Н.А., Маркова Ю.В. Социальное и символическое пространства в социологии Пьера Бурдьё // Социологический журнал. 2025. Том 31. № 2. С. 111–128. DOI: [10.19181/socjour.2025.31.2.6](https://doi.org/10.19181/socjour.2025.31.2.6) EDN: TDLGBR
Shmatko N.A., Markova Yu.V. Social and symbolic spaces in the sociology of Pierre Bourdieu. *Sotsiologicheskiy Zhurnal = Sociological Journal*. 2025. Vol. 31. No. 2. P. 111–128. DOI: [10.19181/socjour.2025.31.2.6](https://doi.org/10.19181/socjour.2025.31.2.6) (In Russ.)
 6. Abbott A. *Processual sociology*. Chicago: University of Chicago Press, 2016. 336 p. DOI: [10.7208/chicago/9780226336763.001.0001](https://doi.org/10.7208/chicago/9780226336763.001.0001)
 7. Abend G. Making things possible. *Sociological Methods & Research*. 2022. Vol. 51. No. 1. P. 68–107. DOI: [10.1177/0049124120926204](https://doi.org/10.1177/0049124120926204)
 8. Akbaritabar A., Castro Torres A.F., Larivière V. A global perspective on social stratification in science. *Humanities and Social Sciences Communications*. 2024. Vol. 11. P. 914. DOI: [10.1057/s41599-024-03402-w](https://doi.org/10.1057/s41599-024-03402-w)
 9. Ayoubi C., Pezzoni M., Visentin F. The important thing is not to win, it is to take part: What if scientists benefit from participating in research grant competitions? *Research Policy*. 2019. Vol. 48. No 1. P. 84–97. DOI: [10.1016/j.respol.2018.07.021](https://doi.org/10.1016/j.respol.2018.07.021)
 10. Benteley R.A., Valverde S., Borycz J., Vidiella B., Horne B.D., Duran-Nebreda S., O'Brien M.J. Is disruption decreasing, or is it accelerating? *Advances in Complex Systems*. 2023. Vol. 26. No. 2. DOI: [10.1142/S0219525923500066](https://doi.org/10.1142/S0219525923500066)
 11. Bol T., de Vaan M., van de Rijdt A. The Matthew effect in science funding. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2018. Vol. 115. No. 19. P. 4887–4890. DOI: [10.1073/pnas.1719557115](https://doi.org/10.1073/pnas.1719557115)
 12. Bornmann L., Leydesdorff L., Van den Besselaar P. A meta-evaluation of scientific research proposals: Different ways of comparing rejected to awarded applications. *Journal of Informetrics*. 2010. Vol. 4. No. 3. P. 211–220. DOI: [10.1016/j.joi.2009.10.004](https://doi.org/10.1016/j.joi.2009.10.004)
 13. Bourdieu P. *Homo academicus*. Paris: Éditions de Minuit, 1984. 320 p.

14. Bourdieu P. What makes a social class? On the theoretical and practical existence of groups. *Berkeley Journal of Sociology*. 1987. Vol. 32. P. 1–17.
15. Bourdieu P. *La noblesse d'État: Grandes écoles et esprit de corps*. Paris: Éditions de Minuit. 1989. 576 p.
16. Bourdieu P. 1990. Animadversiones in Mertonem. *Robert K. Merton: Consensus and Controversy*. Ed. by J. Clark, C. Modgil, S. Modgil. L.: Falmer Press, 1990. P. 297–301.
17. Bourdieu P. *Science of Science and Reflexivity*. Chicago: University of Chicago Press. 2004. 168 p.
18. Bourdieu P., Wacquant L. *An invitation to reflexive sociology*. Chicago: University of Chicago Press. 1992. 348 p.
19. Bucchi M. Norms, competition and visibility in contemporary science: The legacy of Robert K. Merton. *Journal of Classical Sociology*. 2015. Vol. 15. No. 3. P. 233–252. DOI: [10.1177/1468795X14558766](https://doi.org/10.1177/1468795X14558766)
20. Bukodi E., Goldthorpe J.H. Elite studies: For a new approach. *Political Quarterly*. 2021. Vol. 92. No. 4. P. 673–681. DOI: [10.1111/1467-923X.13072](https://doi.org/10.1111/1467-923X.13072)
21. Bukodi E., Goldthorpe J.H., Steinberg I. The social origins and schooling of a scientific elite: Fellows of the Royal Society born from 1900. *The British Journal of Sociology*. 2022. Vol. 73. No. 3. P. 484–504. DOI: [10.1111/1468-4446.12958](https://doi.org/10.1111/1468-4446.12958)
22. Bukodi E., Goldthorpe J.H., Steinberg I. Social stratification in science: the ultra-elite in the UK. *European Societies*. 2024. Vol. 26. No. 5. P. 1265–1306. DOI: [10.1080/14616696.2024.2308010](https://doi.org/10.1080/14616696.2024.2308010)
23. Bunge M. Mechanism and explanation. *Philosophy of the Social Sciences*. 1997. Vol. 27. No. 4. P. 410–465. DOI: [10.1177/004839319702700402](https://doi.org/10.1177/004839319702700402)
24. Camic C. Bourdieu's cleft sociology of science. *Minerva*. 2011. Vol. 49. No. 3. P. 275–293. DOI: [10.1007/s11024-011-9176-0](https://doi.org/10.1007/s11024-011-9176-0)
25. Cañiba C., Woolley R., Iversen E.J., Corona-Sobrino C. state-of-the-art of research on science research careers. *Handbook of meta-research*. Ed. by A. Oancea, G.E. Derrick, N. Nuseibeh, X.Xu. Cheltenham: Edward Elgar Publishing. 2024. P. 293–308. DOI: [10.4337/9781839105722.00032](https://doi.org/10.4337/9781839105722.00032)
26. Chaignon L. Highly cited researchers: Anatomy of a list. *Quantitative Science Studies*. 2025. Vol. 6. P. 305–327 DOI: [10.1007/s11192-018-2993-2](https://doi.org/10.1007/s11192-018-2993-2)
27. Chaignon L., Docampo D., Egret D. In search of a scientific elite: highly cited researchers (HCR) in France. *Scientometrics*. 2023. Vol. 128. No. 10. P. 5801–5827. DOI: [10.1007/s11192-023-04805-3](https://doi.org/10.1007/s11192-023-04805-3)
28. Chan H.F., Mixon F.G., Torgler B. Fame in the sciences: A culturomics approach. *Scientometrics*. 2019. Vol. 118. No. 2. P. 605–615. DOI: [10.1007/s11192-018-2975-4](https://doi.org/10.1007/s11192-018-2975-4)
29. Chu J.S.G., Evans J.A. Slowed canonical progress in large fields of science. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2021. Vol. 118. No. 41. P. e2021636118. DOI: [10.1073/pnas.2021636118](https://doi.org/10.1073/pnas.2021636118)
30. Ciftci S.K., Karadag E., Ergin-Kocaturk H. The effects of parental's cultural and economic capital and parental support on being an elite scientists. *PLOS ONE*. 2023. Vol. 18. No. 7. P. e0287967. DOI: [10.1371/journal.pone.0287967](https://doi.org/10.1371/journal.pone.0287967)
31. Cole J.R., Cole S. *Social Stratification in Science*. Chicago: University of Chicago Press. 1981. 284 p.

32. Firsov B.M. The reproduction of the scientific elite. *Sociological Research*. 1999. Vol. 38. No. 5. P. 64–76. DOI: [10.2753/SOR1061-0154380564](https://doi.org/10.2753/SOR1061-0154380564)
33. Fortunato S., Bergstrom C.T., Börner K., Evans J.A., Helbing D., Milojević S., Petersen A.M., Radicchi F., Sinatra R., Uzzi B., Vespignani A., Waltman L., Wang D., Barabási A.L. Science of science. *Science*. 2018. Vol. 359. No. 6379. P. eaao0185. DOI: [10.1126/science.aao0185](https://doi.org/10.1126/science.aao0185)
34. Frietsch R., Gruber S., Bornmann L. The definition of highly cited researchers: The effect of different approaches on the empirical outcome. *Scientometrics*. 2025. Vol. 130. No. 2. P. 881–907. DOI: [10.1007/s11192-024-05158-1](https://doi.org/10.1007/s11192-024-05158-1)
35. Giddens A. Elites in the British class structure. *The Sociological Review*. 1972. Vol. 20. No. 3. P. 345–372. DOI: [10.1111/j.1467-954X.1972.tb00214.x](https://doi.org/10.1111/j.1467-954X.1972.tb00214.x)
36. Gilens M., Page B.I. Testing Theories of American Politics: Elites, Interest Groups, and Average Citizens. *Perspectives on Politics*. 2014. Vol. 12. No. 3. P. 564–581. DOI: [10.1017/S1537592714001595](https://doi.org/10.1017/S1537592714001595)
37. Glänzel W., Moed H.F., Schmoch U., et al. *Springer Handbook of Science and Technology Indicators*. Cham: Springer Cham, 2019. 1103 p. DOI: [10.1007/978-3-030-02511-3](https://doi.org/10.1007/978-3-030-02511-3)
38. Golosovsky M. Universality of citation distributions: A new understanding. *Quantitative Science Studies*. 2021. Vol. 2. No. 2. P. 527–543. DOI: [10.1162/qss_a_00127](https://doi.org/10.1162/qss_a_00127)
39. Gouldner A. Sociology and the Everyday Life. *The Idea of Social Structure: Papers in Honor of Robert K. Merton*. Ed. by L.A. Coser. N.Y: Harcourt Brace Jovanovich. 1975. P. 417–432. DOI: [10.4324/9781315132563-22](https://doi.org/10.4324/9781315132563-22)
40. Graf A. Eliten im wissenschaftlichen Feld Deutschlands — Sozialprofil und Werdegänge. *Soziale Welt*. 2016. Vol. 67. No. 1. P. 23–42. DOI: [10.5771/0038-6073-2016-1-23](https://doi.org/10.5771/0038-6073-2016-1-23)
41. Hager S., Schwarz C., Waldinger F. Measuring science: Performance metrics and the allocation of talent. *American Economic Review*. 2024. Vol. 114. No. 12. P. 4052–4090. DOI: [10.1257/aer.20230515](https://doi.org/10.1257/aer.20230515)
42. Hart D.M., Victor D.G. Scientific elites and the making of US policy for climate change research, 1957–74. *Social Studies of Science*. 1993. Vol. 23. No. 4. P. 643–680. DOI: [10.1177/030631293023004002](https://doi.org/10.1177/030631293023004002)
43. Hedström P., Swedberg R. Social mechanisms. *Acta Sociologica*. 1996. Vol. 39. No. 3. P. 281–308. DOI: [10.1177/000169939603900302](https://doi.org/10.1177/000169939603900302)
44. Hedström P., Ylikoski P. Causal Mechanisms in the Social Sciences. *Annual Review of Sociology*. 2010. Vol. 36. P. 49–67. DOI: [10.1146/annurev.soc.012809.102632](https://doi.org/10.1146/annurev.soc.012809.102632)
45. Jin C., Ma Y., Uzzi B. Scientific prizes and the extraordinary growth of scientific topics. *Nature Communications*. 2021. Vol. 12. No. 1. P. 5619. DOI: [10.1038/s41467-021-25712-2](https://doi.org/10.1038/s41467-021-25712-2)
46. Katchanov Y.L., Markova, Y.V., Shmatko, N.A. How physics works: scientific capital in the space of physics institutions. *Scientometrics*. 2016. Vol. 108. No. 2. P. 875–893. DOI: [10.1007/s11192-016-2005-3](https://doi.org/10.1007/s11192-016-2005-3)
47. Katchanov Yu.L., Shmatko N.A. The idea of social space by Pierre Bourdieu. *The Russian Sociological Review*. 2024. Vol. 23. No. 4. P. 196–220. DOI: [10.17323/1728-192x-2024-4-196-220](https://doi.org/10.17323/1728-192x-2024-4-196-220)
48. Khan S.R. The sociology of elites. *Annual review of sociology*. 2012. Vol. 38. No. 1. P. 361–377. DOI: [10.1146/annurev-soc-071811-145542](https://doi.org/10.1146/annurev-soc-071811-145542)
49. Kinouchi R.R. Scientometrics: The project for a science of science transformed into an industry of measurements. *Scientiae Studia*. 2014. Vol. 12. P. 147–159. DOI: [10.1590/S1678-31662014000400008](https://doi.org/10.1590/S1678-31662014000400008)

50. Kladakis A., Mongeon P., Bloch C. Citation elites in polytheistic and umbrella disciplines: Patterns of stratification and concentration in Danish and British science. *Minerva*. 2024. Vol. 62. No. 3. P. 397–426. DOI: [10.1007/s11024-024-09521-7](https://doi.org/10.1007/s11024-024-09521-7)
51. Korom P. *Star Sociologists: Anatomy of a Disciplinary Elite*. Cham: Springer International Publishing, 2023. 232 p. DOI: [10.1007/978-3-031-13938-3](https://doi.org/10.1007/978-3-031-13938-3)
52. Kozlowski D., Larivière V., Sugimoto C.R., Monroe-White T. Intersectional inequalities in science. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2022. Vol. 119. No. 2. P. e2113067119. DOI: [10.1073/pnas.2113067119](https://doi.org/10.1073/pnas.2113067119)
53. Krauss A. Science of science: a multidisciplinary field studying science. *Heliyon*. 2024. Vol. 10. No. 17. P. e36066. DOI: [10.1016/j.heliyon.2024.e36066](https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2024.e36066)
54. Krauss A. *Science of Science: Understanding the Foundations and Limits of Science from an Interdisciplinary Perspective*. Oxford: Oxford University Press, 2024. 185 p. DOI: [10.1093/9780198937401.001.0001](https://doi.org/10.1093/9780198937401.001.0001)
55. Krauss A. Science's greatest discoverers: A shift towards greater interdisciplinarity, top universities and older age. *Humanities and Social Sciences Communications*. 2024. Vol. 11. No. 272. P. 1–11. DOI: [10.1057/s41599-024-02781-4](https://doi.org/10.1057/s41599-024-02781-4)
56. Kwiek M. The European research elite: A cross-national study of highly productive academics in 11 countries. *Higher Education*. 2016. Vol. 71. No. 3. P. 379–397. DOI: [10.1007/s10734-015-9910-x](https://doi.org/10.1007/s10734-015-9910-x)
57. Larivière V., Macaluso B., Archambault É., Gingras Y. Which scientific elites? On the concentration of research funds, publications and citations. *Research Evaluation*. 2010. Vol. 19. No. 1. P. 45–53. DOI: [10.3152/095820210X492495](https://doi.org/10.3152/095820210X492495)
58. Laudel G. Migration currents among the scientific elite. *Minerva*. 2005. Vol. 43. No. 4. P. 377–395. DOI: [10.1007/s11024-005-2474-77](https://doi.org/10.1007/s11024-005-2474-77)
59. Li J., Yin Y., Fortunato S., Wang D. Scientific elite revisited: Patterns of productivity, collaboration, authorship and impact. *Journal of the Royal Society Interface*. 2020. Vol. 17. No. 165. P. 20200135. DOI: [10.1098/rsif.2020.0135](https://doi.org/10.1098/rsif.2020.0135)
60. Liu L., Jones B.F., Uzzi B., Wang D. Data, measurement and empirical methods in the science of science. *Nature Human Behaviour*. 2023. Vol. 7. No. 7. P. 1046–1058. DOI: [10.1038/s41562-023-01562-4](https://doi.org/10.1038/s41562-023-01562-4)
61. Martin J.L. What is field theory? *American Journal of Sociology*. 2003. Vol. 109. No. 1. P. 1–49. DOI: [10.1086/375201](https://doi.org/10.1086/375201)
62. Mayntz R. Mechanisms in the analysis of social macro-phenomena. *Philosophy of the Social Sciences*. 2004. Vol. 34. No. 2. P. 237–259. DOI: [10.1177/0048393103262552](https://doi.org/10.1177/0048393103262552)
63. Morgan A.C., LaBerge N., Larremore Daniel B., Galesic M., Brand, J.E., Clauset A. Socioeconomic roots of academic faculty. *Nature Human Behaviour*. 2022. Vol. 6. No. 12. P. 1625–1633. DOI: [10.1038/s41562-022-01425-4](https://doi.org/10.1038/s41562-022-01425-4)
64. Mulkay M. The mediating role of the scientific elite. *Social Studies of Science*. 1976. Vol. 6. No. 3–4. P. 445–470. DOI: [10.1177/030631277600600308](https://doi.org/10.1177/030631277600600308)
65. Mulkay M. Part One Sociology of science in the West. *Current Sociology*. 1980. Vol. 28. No. 3. P. 1–116. DOI: [10.1177/001139218002800301](https://doi.org/10.1177/001139218002800301)
66. Nielsen M.W., Andersen J.P. Global citation inequality is on the rise. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2021. Vol. 118. No. 7. P. e2012208118. DOI: [10.1073/pnas.2012208118](https://doi.org/10.1073/pnas.2012208118)

67. Nielsen M.W., Gissi E., Heidari S., Horton R., Nadeau K.C., Ngila D., Noble S.U., et al. Intersectional analysis for science and technology. *Nature*. 2025. Vol. 640. No. 8058. P. 329–337. DOI: [10.1038/s41586-025-08774-w](https://doi.org/10.1038/s41586-025-08774-w)
68. Park M., Leahey E., Funk R.J. Papers and patents are becoming less disruptive over time. *Nature*. 2023. Vol. 613. No. 7942. P. 138–144. DOI: [10.1038/s41586-022-05543-x](https://doi.org/10.1038/s41586-022-05543-x)
69. Parker J.N., Allesina S., Lortie C.J. Characterizing a scientific elite (B): publication and citation patterns of the most highly cited scientists in environmental science and ecology. *Scientometrics*. 2013. Vol. 94. No. 2. P. 469–480. DOI: [10.1007/s11192-012-0859-6](https://doi.org/10.1007/s11192-012-0859-6)
70. Petersen A.M., Fortunato S., Pan R.K., Kaski K., Penner O., Rungi A., Riccaboni M., Stanley H.E., Pammolli F. Reputation and impact in academic careers. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2014. Vol. 111. No. 43. P. 15316–15321. DOI: [10.1073/pnas.1323111111](https://doi.org/10.1073/pnas.1323111111)
71. Savage M. Introduction to elites from the “problematic of the proletariat” to a class analysis of “wealth elites”. *The Sociological Review*. 2015. Vol. 63. No. 2. P. 223–239. DOI: [10.1111/1467-954X.12281](https://doi.org/10.1111/1467-954X.12281)
72. Savage M. In defence of sociological description: A “world-making” perspective. *The British Journal of Sociology*. 2024. Vol. 75. No. 3. P. 360–365. DOI: [10.1111/1468-4446.13083](https://doi.org/10.1111/1468-4446.13083)
73. Scott J. Modes of power and the re-conceptualization of elites. *The Sociological Review*. 2008. Vol. 56. No. 1. P. 25–43. DOI: [10.1111/j.1467-954X.2008.00760.x](https://doi.org/10.1111/j.1467-954X.2008.00760.x)
74. Serenko A., Marrone M., Dumay J. Scientometric portraits of recognized scientists: A structured literature review. *Scientometrics*. 2022. Vol. 127. No. 8. P. 4827–4846. DOI: [10.1007/s11192-022-04466-8](https://doi.org/10.1007/s11192-022-04466-8)
75. Sinatra R., Wang D., Deville P., Song C., Barabási A.L. Quantifying the evolution of individual scientific impact. *Science*. 2016. Vol. 354. No. 6312. P. aaf5239. DOI: [10.1126/science.aaf5239](https://doi.org/10.1126/science.aaf5239)
76. Siudem G., Żogała-Siudem B., Cena A., Gagolewski M. Three dimensions of scientific impact. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2020. Vol. 117. No. 25. P. 13896–13900. DOI: [10.1073/pnas.2001064117](https://doi.org/10.1073/pnas.2001064117)
77. Sloterdijk P. *Zorn und Zeit. Politisch-psychologischer Versuch*. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 2008. 285 p.
78. Tijssen R.J.W., Visser M.S., van Leeuwen T.N. Benchmarking international scientific excellence: Are highly cited research papers an appropriate frame of reference? *Scientometrics*. 2002. Vol. 54. No. 3. P. 381–397. DOI: [10.1023/A:1016082432660](https://doi.org/10.1023/A:1016082432660)
79. Van Leeuwen T.N., Visser M.S., Moed H.F., Nederhof T.J., Van Raan A.F.J. The Holy Grail of science policy: Exploring and combining bibliometric tools in search of scientific excellence. *Scientometrics*. 2003. Vol. 57. No. 2. P. 257–280. DOI: [10.1023/A:1024141819302](https://doi.org/10.1023/A:1024141819302)
80. Wacquant L. *Bourdieu in the City: Challenging Urban Theory*. Cambridge: Polity Press. 2023. 288 p. DOI: [10.4324/9780429287961-45](https://doi.org/10.4324/9780429287961-45)
81. Wang D., Barabási A.-L. *The Science of Science*. Cambridge: Cambridge University Press. 2021. 308 p. DOI: [10.1017/9781108610834](https://doi.org/10.1017/9781108610834)
82. Yin Y., Dong Y., Wang K., Wang D., Jones B.F. Public use and public funding of science. *Nature Human Behaviour*. 2022. Vol. 6. No. 10. P. 1344–1350. DOI: [10.1038/s41562-022-01397-5](https://doi.org/10.1038/s41562-022-01397-5)
83. Zeng A., Shen Z., Zhou J., Wu J., Fan Y., Wang Y., Stanley H.E. The science of science: From the perspective of complex systems. *Physics Reports*. 2017. Vols. 714–715. P. 1–73. DOI: [10.1016/j.physrep.2017.10.001](https://doi.org/10.1016/j.physrep.2017.10.001)

84. Zhang M., Liu L., Zeng D., Li X. Impact of academic title structure of university research teams on research output: evidence from 30 Chinese universities. *Humanities and Social Sciences Communications*. 2024. Vol. 11. No. 1. P. 769. DOI: [10.1057/s41599-024-03294-w](https://doi.org/10.1057/s41599-024-03294-w)
85. Zhu W., Jin C., Ma Y., Xu C. Earlier recognition of scientific excellence enhances future achievements and promotes persistence. *Journal of Informetrics*. 2023. Vol. 17. No. 2. P. 101408. DOI: [10.1016/j.joi.2023.101408](https://doi.org/10.1016/j.joi.2023.101408)
86. Zuckerman H. *Scientific Elite: Nobel Laureates in the United States*. New Brunswick: Transaction Publishers, 1995. 382 p.

Статья поступила в редакцию: 25.10.2025; поступила после рецензирования и доработки: 07.03.2026; принята к публикации: 12.03.2026.

Received: 25.10.2025; revised after review: 07.03.2026; accepted for publication: 12.03.2026.